

Чтоб не пропасть поодиночке. Кавказ и Большая Европа: реалии против соблазнов. Владимир Дегоев. Дружба народов, 2005, 3

Владимир Дегоев

Чтоб не пропасть поодиночке. Кавказ и Большая Европа: реалии против соблазнов

Дружба народов, 2005, 3

оригинал на сайте: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/3/de10.html>

проф. д.и.н. Владимир Дегоев: <http://mgimo.ru/users/document1312.phtml>

Современный интерес Европы к Кавказу имеет любопытную предысторию. В первой половине XIX века этот регион был объектом целенаправленной политики Англии и Франции. Одна стремилась превратить Кавказ в барьер на пути возможного продвижения России в Иран, Турцию и Индию. Другая эпизодически использовала эту территорию против Англии и России для решения собственных колониально-имперских задач на Среднем Востоке. За действиями западных держав из Петербурга и Тифлиса следили с подозрением, допуская любое развитие событий. Типологически миф о Урусской угрозе Индии вполне сопоставим с образом британской угрозы Кавказу. Разница в том, что первое относилось к области теоретической вероятности, второе — к сфере практической политики. Вокруг кавказского вопроса до середины 60-х годов XIX столетия сохранялась напряженная международная атмосфера, однажды едва не приведшая к англо-русскому столкновению (1837 г.), а позже ставшая частью той питательной среды, в которой вырели предпосылки драматического сценария Крымской войны, разрушившей основы венского порядка и положившей конец Удолгому миру в Европе.

После подавления движения Шамиля в Чечне и Дагестане (1859 г.), а также его более или менее близкого аналога в Черкесии (1864 г.) Запад понял, что теперь уже не разумно делать ставку на использование внутрикавказских сил в антирусских замыслах. Европа де-факто признала Кавказ имперским владением России, и европейская политика в этом регионе приобрела преимущественно экономическое содержание. После такой смены акцентов заметно изменилось и российское восприятие западного присутствия на Кавказе. Конфронтационная модель сменилась кооперационной: коль скоро международно-правовой, то есть политический статус Кавказа Европой уже не оспаривался, Петербург начал оказывать поддержку и покровительство английскому, французскому, германскому, бельгийскому и голландскому капиталам, осваивавшим кавказское экономическое пространство. Длилось это вплоть до Первой мировой войны.

Потрясения 1914-1921 годов вернули Кавказ в поле жесточайшей геополитической конкуренции, вновь выдвинув на передний план военно-стратегическую ценность Кавказа для Германии, Англии и Франции. Западные державы прибегли к предельно утилитарной эксплуатации разновекторных интересов местных социальных, этнократических, конфессиональных, культурных элит, с одной стороны, и столь же запутанных устремлений пестрой народной массы — с другой. Моральные или идеологические соображения отступили перед абсолютным прагматизмом воюющих государств, цели которых до поры до времени сводились к однозначному желанию — победить.

После Октябрьской революции и краха германского блока на повестку дня встал новый вопрос — о международном дележе имперского наследия России на Кавказе, что внесло еще больший беспорядок в и без того хаотичную картину кавказской жизни в эпоху Гражданской войны и вооруженного внешнего вмешательства. В конце концов у Антанты не осталось ни сил, ни желания разбираться в местной политической экзотике с ее причудливыми социальными альянсами, карикатурными государствами и самозванными лидерами, обремененными бесноватыми наклонностями и полной сумятицей в голове. Не говоря уже о том, что Англия, Франция и США

изначально не имели вразумительного ответа на вопрос Ч что делать на Кавказе и с Кавказом?

У большевиков такой ответ был, и он принес им победу над внутренними соперниками и иностранными интервентами, после чего проблема Кавказа как проблема международных отношений упразднилась на многие десятилетия.

* * *

С 1991 года внимание объединяющейся и объединенной Европы к этому региону возрождается. Сегодня, при всей соблазнительности исторических аналогий, ситуация беспрецедентна. Никогда еще страны Закавказья не имели столь реальной возможности формулировать собственные национальные задачи в качестве полноправных участников международного сообщества. Никогда еще Европа официально не идентифицировала себя как самостоятельный международный субъект с соответствующими внешнеполитическими установками. И никогда еще европейский УконцертФ не расширялся так стремительно и не попадал под гипноз столь грандиозного мессианского проекта. Употребляю эти сильные эпитеты без тени иронии, ибо духовная и гуманистическая составляющая евро-интеграционного суперпроекта заслуживает лишь восхищения, она находится в одном генетическом ряду с мечтой о Увечном миреФ и другими идеалами Просвещения.

Сегодня успехи в построении уникального конфедеративного сооружения под названием ЕС очевидны. Еще несколько десятков лет назад слабо верилось в возможность создания мега-структуры с такими плотными, ажурными и высокофункциональными внутренними связями. А до 1991 года никто вообще не мог предположить последующих темпов интеграции и нынешних географических размеров ЕС.

Теперь на повестке дня тема расширения ЕС на восток, в том числе за счет Кавказа. И вот тут начнутся проблемы, с которыми Европе еще не приходилось сталкиваться непосредственно.

До сих пор ЕС прирастал государствами и народами, принадлежащими к европейскому культурно-историческому и географическому пространству. Этим во многом объясняется более или менее беспрепятственное вовлечение в единую Европу бывших советских сателлитов. Что касается Кавказа, то он никогда не являлся органичной частью западной цивилизации, в силу чего интегрировать этот регион в ЕС даже на ассоциированных правах будет чрезвычайно сложно. Особенно когда животрепещущий вопрос о европейской идентичности (включая оборонный компонент) приобретет еще более актуальное звучание.

Но в конце концов дело даже не в этом, а в способности и готовности Европы развязать кавказские гордиевы узлы в условиях, когда невозможно точно установить, где они затянуты туже и опаснее Ч в нагорно-карабахской, абхазской, юго-осетинской или других проблемах, пока еще латентных, но чреватых крупными неприятностями. Кто и как разрешит конфликт между Азербайджаном и Арменией? Что ждет фактически распавшуюся грузинскую квази-мини-империю, стоит ли ее восстанавливать и, если стоит, то какими методами и какой ценой? Приживутся ли насажденные извне демократические институты на почве, никогда не знавшей демократии, и станут ли они эффективным инструментом поддержания хотя бы какого-то минимума стабильности и безопасности?

Если главный движущий мотив проникновения ЕС на Кавказ состоит в обеспечении контроля над каспийскими энергоресурсами, то нужно ли для этого делать регион составной частью Европы? Не слишком ли это дорогой и переусложненный путь? А если речь не только о нефти и газе, то нелишне было бы произвести тщательный политический подсчет возможных выгод и неизбежных потерь.

О самом важном. Любой проект, разработанный для Кавказа без учета интересов России, обречен на неудачу. И тут не уйти от исторической традиции и геополитической реальности. Имеются в виду некоторые фундаментальные вещи. Непосредственное соседство России с Южным Кавказом автоматически превращает его в проблему национальной безопасности для российского государства. Последнее, с чем готов будет расстаться Кремль, так это с правом защищать южные рубежи России от самых разнообразных угроз из Закавказья. Приметы ужесточения такой позиции уже налицо, и отступления от нее в ближайшей перспективе не предвидится.

Европа является на кавказском геополитическом поле сугубо внешним игроком, а в ее нынешнем

структурном и институциональном качестве (ЕС) Ч игроком еще и совершенно новым. Какие бы цели ни декларировал Евросоюз, его присутствие в регионе, еще недавно входившем в состав СССР, воспринимается и будет восприниматься Москвой с настороженностью. (О США разговор отдельный.) О ее реакции на вероятное развертывание военных инфраструктур ЕС и/или НАТО на южном фланге России и говорить нечего. Предлагать Кремлю успокоительные объяснения о необходимости охраны нефтепроводов и предотвращения межэтнических конфликтов Ч значит преувеличивать запасы терпения, благодушия и наивности у российского руководства.

В настоящее время очень трудно определить точные контуры того компромисса с Западом в Закавказье, на который согласится Москва. Она, судя по всему, не собирается возражать против взаимовыгодного делового партнерства и честной экономической конкуренции. Но идея превращения Азербайджана, Грузии и, чего доброго, Армении в военно-политический филиал ЕС натолкнется на сопротивление России со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для дела мира и стабильности на Южном Кавказе. Тогда, кстати говоря, в еще большую проблему вырастет вопрос о гарантиях бесперебойных поставок каспийского энергосырья на Запад.

Конечно, было бы лукавством преподнести военное присутствие ЕС в Закавказье как свершившийся факт. (В отношении США, впрочем, такой уверенности нет.) Однако дело ведь в том, что в этом мире все когда-то случается впервые, в том числе самое, казалось бы, невероятное. Примеров тому не счесть, и в последнее время они множатся с головокружительной быстротой.

Для постсоветского пространства вообще и для Закавказья в частности эпоха сюрпризов, включая неприятные, не закончилась. К ним нужно готовиться и России, и Европе. Это означает, что необходимо взаимопонимание, доверие и тесное партнерство на основе априорного признания Западом объективной, хоть и неудобной для него реальности: у России есть и будут некие экзистенциальные интересы в Закавказье, требующие к себе уважения не на словах, а на деле. Помимо прочего, не мешало бы соблюдать определенные, с позволения сказать, вербальные приличия, чего нет и в помине. Во все более откровенном и менторском тоне звучит мысль об утрате Россией способности нести ответственность за постсоветское Закавказье. Посему это бремя якобы должен взять на себя Запад. Остается в моде тезис о том, что Грузия, Армения и Азербайджан нуждаются в новых идеях, новых учителях и новых покровителях. Импортированная демократия правоверного толка и самоорганизующаяся рыночная экономика по-прежнему считаются панацеей от всех постсоветских болезней. Не видно, чтобы в эти догмы были внесены хоть какие-то реалистичные коррективы. Реинтеграционные усилия Москвы Ч чаще всего весьма неубедительные Ч встречают жесткое сопротивление. При этом игнорируются неизбежные перспективы такой стратегии Ч усиление дестабилизации именно там, где ее хотят избежать.

Представители европейского экспертного братства с абсолютной внятностью объявляют о безвозвратном завершении имперского периода в российской истории и о готовности Запада пресечь на корню малейшие реставраторские поползновения. Градус откровенности подчас настолько высок, что тезис Унам не нужна сильная РоссияФ уже никого не смущает. А логически вытекающая отсюда идея о том, что Унам не нужна и единая РоссияФ, уже никем особо и не маскируется.

Но и на этом расстановка всех точек над і по гамбургскому счету не заканчивается. Многие аналитики не отрицают, что в результате общеизвестных прецедентов постсоветской эпохи идея суверенитета и территориальной целостности государства перестала быть аксиомой. Запад не собирается скрывать своей приверженности двойным стандартам в данном вопросе. Когда стояла задача развала СССР и последующего, максимально возможного ослабления России, во главе угла оказывался принцип самоопределения народов. А когда понадобилось создать вокруг России сдерживающий барьер, то его готовы строить из чего угодно, в том числе из Унесостоявшихся государствФ. И тут уж не играет принципиальной роли ни их несостоятельность, ни уровень их демократии, ни политическая культура их вождей, ни положение национальных меньшинств, ни нарушения прав человека, ни степень соответствия стандартам рыночной экономики. Что действительно значимо, так это их решимость объединиться против России с такими же постсоветскими фронтдерами. Применительно к ним Запад провозглашает УсвященнуюФ идею о государственно-территориальной целостности, поддерживая и борьбу УцентраФ против фактически независимых провинций, и решение об упразднении автономий, и революционные импровизации, нацеленные на свержение неугодных региональных лидеров. Сразу же вспоминают о социальной справедливости и нравственности. Оказывается, местные сепаратистски ориентированные власти отстаивают не высокие идеалы независимости, а свободу грабить народ, совершать финансовые махинации, обворовывать казну, взимать мзду с преступников, создавать кланово-мафиозную структуру административного управления, что есть сущая правда. Правда, однако, и в том, что карающий УцентрФ живет по точно таким же правилам, просто масштаб коррупции и морального разложения здесь больше, поскольку больше возможностей. Цивилизованный Запад вынужден терпеть разгул закавказских УдемократийФ во имя геополитических целей, хотя вряд ли ему это безразлично: дело как-никак идет об уходящих в песок (то есть в карманы высокопоставленных УтуземныхФ казнокрадов) деньгах европейских налогоплательщиков, полагающих, что они помогают накормить голодных стариков и детей, ютящихся в обугленных развалинах южного яруса бывшей Уимперии злаФ.

После не очень долгой паузы, вызванной У11-м сентябряФ, оправившийся от эмоционального шока Запад вновь подверг Москву пропагандистскому прессингу по поводу Чечни. УТеррористыФ и УбандитыФ опять превратились в Уборцов за свободуФ, внутрirosсийский вопрос Ч в международный, а права человека Ч в абсолютную ценность, стоящую неизмеримо выше прав людей. Ни один шаг кремлевского руководства не остается без критики. Не нравится все напрорпалу: курс на создание в Чечне дееспособных органов управления и контроля за ситуацией, стремление восстановить хозяйство и наладить мирный быт, идея о разоружении населения путем скупки оружия, введение амнистии для боевиков, система организации местных выборов, возвращение беженцев и так далее. Создается впечатление: чем больше удается, тем меньше это нравится. Плохо, стало быть, не то, что жизнь чеченцев мало-помалу устраивается, а то, что она устраивается Россией.

Под Уискусством возможногоФ подразумевается умение сделать так, чтобы завтра было, по крайней мере, не хуже, чем сегодня. Общесоциальной динамики ухудшения в Чечне, судя по всему, нет, даже если динамика улучшения под большим вопросом. Ситуация удерживается в некоем, пусть и не вполне прочном режиме статус-кво. Один из симптомов того, что Запад интуитивно это почувствовал, Ч дефицит или, скорее, отсутствие позитивной реакции с его стороны. Как знать Ч не является ли поднимающаяся волна недовольства действиями России своеобразным предвестием ее конечного успеха в нормализации обстановки в Чечне? Не похоже, чтобы официальные западные круги испытывали воодушевление по этому поводу, хотя ожидать от них соответствующих публичных признаний не стоит.

Прагматичный Запад прекрасно осознает, что на постсоветских просторах открыто или негласно будет доминировать тот, кто сумеет обеспечить там мир и благополучие. Именно поэтому миротворческие инициативы России подвергаются демонстративному обструкционизму без каких-либо благовидных объяснений. Недавний факт просто скандален: в результате труднейшей работы российские дипломаты привели конфликтующие стороны к компромиссу, но непосредственно накануне заключения соглашения Брюссель срывает его УпредостерегающимФ телефонным звонком политическому лидеру, который уже готов был подписать важный документ, призванный ослабить напряжение.

В качестве УтеоретическогоФ оправдания подобного поведения европейские аналитики предлагают версию о законных опасениях Запада по поводу того, что Россия, не состоявшись как цивилизованное государство, поддастся соблазну пойти по неоимперскому пути. Итоги постсоветского развития России на совершенно мизерном по историческим меркам временном отрезке преподносятся как провальные: неизвестно, победил ли капитализм, но демократия уж точно проиграла. Россия сохранила культуру насилия, не обретя культуры власти. Своей неспособностью найти и понять себя она только пугает Запад и провоцирует его на нервозный поиск средств защиты. Вместе с тем нет и речи о том, что часть вины за постсоветские итоги несут западные страны.

Риторика об отсутствии альтернативы политике Устирания разделительных линийФ заканчивается там, где дело доходит до интересов России на Кавказе. Молчаливо признается целесообразность превращения Кавказского хребта в Усанитарный кордонФ Ч с постепенной расстановкой четких акцентов в вопросе Укому это выгодноФ. Здесь, кстати, и сама Москва может подсобить ненароком, если безоглядно увлечется темой необходимости возведения на Кавказе барьеров против террористических и прочих угроз с Юга.

Все это сопровождается призывами к наращиванию силового потенциала ЕС ввиду сокращения американского военного присутствия в Европе.

Впрочем, было бы серьезной ошибкой считать западных политиков и работающих на них интеллектуалов монолитной и дисциплинированной корпорацией единомышленников. Разброс мнений, доктрин, настроений Ч самый широкий даже внутри партийно-идеологических каст, обслуживающих тот или иной внешнеполитический курс. Есть аналитики, не видящие никакого резона в том, чтобы растрчивать силы на рискованную стратегию вытеснения России из традиционных сфер ее влияния. Поскольку заменить ее Запад по целому ряду причин не в состоянии, лучше уж оставить все так, как сложилось исторически. Москва всегда найдет общий язык со своей бывшей советской периферией, а вот европейские лидеры разговаривать на нем просто не умеют ни в прямом, ни в переносном смысле. Поэтому рациональнее всего сотрудничать с Россией, а не соперничать: так можно добиться гораздо большего.

Встречает понимание идея о недопустимости образования на постсоветском пространстве вакуума силы, ибо он стихийно будет заполнен экстремистской идеологией и агрессивной политикой. По сравнению со злокачественными проявлениями этого процесса в региональном и глобальном масштабах подозрения, противоречия, перепалки между Россией и Западом покажутся детскими шалостями. Вероятность возникновения подобного вакуума велика, если случится, что ЕС (совместно с США или без них) вначале возьмет на себя ответственность за положение дел (включая вопросы безопасности) в новых независимых государствах, а затем, столкнувшись с

проблемами, аналогичными афганским и иракским, ретируется, как уже приходилось делать американцам. Москва же имеет огромный исторический опыт общения с политическим истеблишментом Закавказья и Центральной Азии, а также немалые миротворческие заслуги в этих регионах. Там привыкли к ее стилю поведения, даже когда он не блещет изысканностью и деликатностью, и, возможно, как раз поэтому приносит плоды.

Другие западные эксперты настоятельно рекомендуют Евросоюзу (и США) помнить, что Кавказ есть тончайшая и легко воспламеняемая материя, требующая крайне осторожного обращения. Здесь отнюдь не гарантирован успех политтехнологическим моделям, удачно испытанным в других регионах мира. Пожалуй, не иначе как реализмом высшей пробы можно назвать призывы отдельных ученых к осознанию характерной особенности нынешней ситуации на Кавказе (имеющей, впрочем, глубокую историческую подоплеку): для кавказских политических элит Россия — приоритетный партнер, и попытки их переориентации куда бы то ни было — не обязательно на Запад — приведут к еще большему обострению внутрорегиональных и международных противоречий.

Заслуживает внимания мысль о том, что Северный Кавказ находится под пристальным наблюдением ближневосточных террористических организаций, которые могут с размахом активизироваться там, если Россия будет провоцировать их к тому своей слабой и непоследовательной политикой.

Бытуют и другие вариации на тему: Как нам (Западу) обустроить постсоветское пространство, чтобы не было мучительно больно за упущенный исторический шанс. Однако и этого достаточно для следующего вывода: судьба российского и советского имперского наследия осмысливается по-разному, но в неизменном контексте западных национальных или теперь уже, скорее, наднациональных интересов. Совпадут они с интересами России или нет — вопрос не первого порядка. Хорошо бы, конечно, чтобы совпали. Так меньше хлопот. Но если этого не произойдет, Запад горевать не станет. Результаты его выбора между своей рубашкой и процветанием остального человечества не должны оставлять ни малейшего сомнения и ни малейшего места для недоумения или негодования, ибо в жизни государств и народов нет ничего более естественного, чем образ действий и образ мыслей, подчиненный заботе о собственном благе.

Нет, слава Богу, партийно-большевистского единомыслия и в среде российских интеллектуалов. Инерция прежней идеологической угодливости к Западу идет на убыль, хотя, как говорится, *it depends*. Одновременно усиливается реально-политическое направление в современной аналитике, которое чаще предпочитают определять русскоязычными терминами: *государственничество*, *удержанность*. Запад относится к ним с понятной настороженностью, не всегда догадываясь, что именно он, Запад, как ни парадоксально, вернул в наш политологический дискурс эти категории, поскольку именно он — своими делами и идеями — научил нас жесткому аналитическому мышлению, привил нам навыки распознавания полезного и вредного для России.

Недавние события иллюстрируют это применительно к Кавказу. Одна часть наблюдателей склонна считать позицию, занятую Кремлем в аджарском кризисе, *упрорывом* в кавказской политике России, ибо цивилизованному Западу предъявлен похвальный образец бескорыстного служения делу мира и стабильности. Другая часть так и не возьмет в толк — какими же это заслугами снискало тбилисское руководство благорасположение Москвы? Не своими ли систематическими усилиями по насаждению русофобской истерии в Грузии? Или своим внешнеполитическим курсом, прозападная и пронаатовская сервильность которого порой вводит в конфуз даже неконфузливых американцев? Или, быть может, своим усердием в строительстве антироссийских блоков по всему периметру российских границ? Вопросов много. Покуда ясно (а точнее — совсем неясно) одно: успешная инсценировка *Урозовой* революции в Аджарии не состоялась бы без поддержки Москвы. Больше того — для младогрузинских реформаторов все могло бы закончиться катастрофой. Поскольку рыночная цена на подобного рода спасательные услуги очень высока, остается надеяться, что это все же не бесплодный альтруистический жест, и ожидать соответствующих подтверждений в близкой перспективе. До тех пор придется теряться в догадках, по крайней мере тем, кому не по душе внешнеполитическая благотворительность и кто не верит в завтрашнюю благодарность за вчерашнюю помощь.

В благодарность и в самом деле не стоит верить. Ее нужно попросту воспитывать. По-разному. В том числе и недвусмысленными оповещениями о том, что логическим следствием добровольного или принудительного ухода России из Закавказья будет ее отказ от всяких усилий по *убархатизации* опасных революционных процессов в регионе, а также от всяких моральных и правовых обязательств по сохранению целостности тамошних государств. Уходить так уходить. Тем более, что с 1991 года мировое сообщество легко освободило себя от таких обязательств по отношению к тем, кто не в состоянии сам защитить свой суверенитет и государственное единство. В этом смысле все постсоветские новообразования заслужили то, что с ними произошло, происходит и еще произойдет.

В высших политических кругах России усиливаются признаки тревожных настроений по поводу

массированного проникновения Запада в Закавказье. Уже заметны попытки найти адекватный ответ. Знаковое воплощение они получили в идее международно-правового оформления института Укавказской четверкиФ как главного инструмента решения региональных проблем и осуществления региональной интеграции.

* * *

Вернемся к тому, с чего начали. К истории. И напомним еще раз: пока Европа не изъяла Кавказ из своих политических и стратегических планов, он был перманентным источником раздражения и напряжения в российско-европейских отношениях. Это породило целую серию военных тревог 30-50-х годов XIX века, одна из которых вылилась-таки в реальную войну Ч Крымскую, вполне УмировуюФ по содержанию и последствиям, охватившую, между прочим, обширные кавказские территории. Но как только Европа сочла более выгодным и рациональным ограничить себя экономическим интересом к этому региону, конфликтотензионал, скопившийся между Россией и европейскими державами, сократился до безопасного минимума. Мало того, устремившийся на южную российскую периферию западный бизнес нашел в лице официального Петербурга надежного покровителя. Нет ли здесь исторического урока, который сам напрашивается в Учебно-образовательные программыФ для современных политиков и дипломатов?

Мы остановились лишь на наиболее принципиальных, с нашей точки зрения, сюжетах, над которыми следует поразмыслить тем, кто выступает за форсированное продвижение ЕС в Закавказье. Предвидеть все повороты и перепады глобальной, региональной и локальной конъюнктуры практически невозможно. А потому России и Европе важно загодя подумать и по-джентльменски договориться о правилах игры и тех средствах, которые при любом стечении закономерностей и случайностей помогут избежать худшего там, где в обозримом будущем взрывоопасные тенденции, к сожалению, сохранятся.

России не нужен Узакат ЕвропыФ, а Европе ни к чему Узакат РоссииФ. У Евросоюза нет и не будет другого доверенного лица на постсоветском пространстве и более естественного партнера в урегулировании постсоветских конфликтов, чем Россия. Две соседние и хорошо знакомые друг другу цивилизации стоят перед небывало сложным вызовом судьбы, которая уже не раз наказывала их за нежелание Узвзяться за руки, чтоб не пропасть поодиночкеФ.